

Кредо Н.Н. Страхова (опыт самопонимания в переписке с П.Д. Голохвастовым)*

Е.Н. Мотовникова, П.А. Ольхов

В статье уточняются архивные перспективы исследования философского кредо Н.Н. Страхова, представленного в его переписке с одним из наименее известных его корреспондентов – П.Д. Голохвастовым. Страхов, отвечая на письма Голохвастова, толкует несколько ключевых пунктов своего понимания религиозных перемен, произошедших в 80-е гг. XIX в. с Л.Н. Толстым, и излагает собственное понимание религиозной проблемы, которое сочетается со страховским пониманием “красного” нигилизма, пониманием себя как оппонента философского спиритуализма А.М. Бултерова и противника “игры ума” в публицистике В.С. Соловьева. Смысловая многослойность писем Страхова к Голохвастову позволяет выделить их в особую архивную группу, нуждающуюся в специальном исследовании.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Н.Н. Страхов, П.Д. Голохвастов, философское кредо, полемика, самопонимание, литературно-философская герменевтика, диалог.

МОТОВНИКОВА Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, социально-теологический факультет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

ОЛЬХОВ Павел Анатольевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, социально-теологический факультет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Цитирование: *Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А.* Кредо Н.Н. Страхова (опыт самопонимания в переписке с П.Д. Голохвастовым) // *Вопросы философии. 2015. № 9. С. 114–128.*

Voprosy Filosofii. 2015. Vol. 9. P. 114–128

The Philosophical Credo of Nikolai N. Strakhov in a Correspondence with Pavel D. Golokhvastov

Elena N. Motovnikova, Pavel A. Olkhov

This paper clarifies the archival aspects in philosophical credo of Nikolai N. Strakhov. They are particularly represented in his correspondence with Pavel D. Golokhvastov, one of the least known of his correspondents. Strakhov interprets several key points of religious changes that have occurred with Leo N. Tolstoy and presents his own understanding of the religious problem, which is contextually combined with his critical understanding of “red” nihilism or philosophical spiritualism (Alexander M. Butlerov) and “mind games”, imposed by Vladimir S. Solovyov. Some of the answering letters written by N. Strakhov are semantically multilayered as a special archival group and needed a special study.

KEY WORDS: Nikolai N. Strakhov, Pavel D. Golokhvastov, philosophical credo, polemics, self-understanding, literary and philosophical hermeneutics, dialogue.

MOTOVNIKOVA Elena N. – CSc in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University.

motovnikova@bsu.edu.ru

OLKHOV Pavel A. – DSc in Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University.

pavel.olkhov@yandex.ru

Citation: *Motovnikova E.N., Olkhov P.A.* The Philosophical Credo of Nikolai N. Strakhov In a Correspondence With Pavel D. Golokhvastov // *Voprosy Filosofii. 2015. Vol. 9. P. 114–128.*

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект «Проблема диалога в философии, культуре и политике: вызовы 21 века» (№ 14-03-00068). The article is written with support from RFH, project «The problem of dialogue in philosophy, culture and politics: Challenges of the 21 st century» (№ 14-03-00068).

© Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А., 2015 г.

Кредо Н.Н. Страхова (опыт самопонимания в переписке с П.Д. Голохвастовым)

Е.Н. МОТОВНИКОВА, П.А. ОЛЬХОВ

Вопрос об основаниях философских исследований Николая Николаевича Страхова (1828–1896), одного из русских мыслителей-энциклопедистов, родоначальника русской философии науки и литературно-философской герменевтики, относится к числу малопроясненных. В обширном наследии этого мыслителя, который вновь приобретает известность в современной России и становится интересен зарубежным исследователям, дает себя знать особое начало цельного и целостного русского философствования, критически просвещенного и самобытного.

Полемически разноречивыми были характеристики его философского кредо уже со стороны современников: от поощрительной, герменевтически широкой реплики Ап.А. Григорьева о Страхове как “всепонимающем философе” или, напротив, объявления его философии “перегородочной” (Н.П. Вагнер) до подозрений в скрытом материализме (Вл.С. Соловьев). Первые попытки дать общую систематическую оценку Н.Н. Страхову в кругу русских университетских профессоров философии были предприняты Н.Я. Гротом (1852–1899), А.И. Введенским (1856–1925), А.И. Введенским (1861–1912) и Э.Л. Радловым (1854–1928) – младшими современниками Страхова. Здесь сильнее всего было стремление выявить, к каким теоретическим направлениям и школам Страхов был ближе, от каких дальше, и тем самым вписать его наследие в существующий историко-философский контекст. Ни одна из этих попыток не имела продуктивного продолжения в истории университетской философии. Н.Я. Грот характеризует исследовательскую проницательность Н.Н. Страхова как “светлый рационализм” [Грот 1896, 38], признавая как познавательную состоятельность, так и трудность дисциплинарного осмысления, герменевтическую неподрачетность философского кредо Н.Н. Страхова.

Существовала и другая группа философской молодежи – Ю.Н. Говоруха-Отрок (1854(?)–1896), В.В. Розанов (1856–1919), Б.В. Никольский (1870–1919) и Ф.Э. Шперк (1872–1897). Все они, внеуниверситетские литераторы второй половины XIX–начала XX вв., обращали внимание больше на философскую беспартийность Страхова и ее предпосылки. Как писал Говоруха-Отрок, “он не был ни либералом, ни консерватором, ни западником, ни славянофилом – в его писаниях есть оттенки, отделяющие его ото всех этих мнений и сам он никогда не причислял себя ни к одному из этих литературных течений”. “Как человек истинно просвещенный он был литератор независимый. <...> Свободу суждения, свободу критики он ценил выше всего...”. Чтобы определить мировоззрение, симпатии и антипатии писателя, “нужно тщательное изучение его произведений, нужно проникнуться духом его” [Говоруха-Отрок 1896, 4]. Страхов не принадлежал и не намеревался примыкать ни к одному из сложившихся философских учений; следуя своему “жгучему интересу взаимного ауканья” [Переписка 1914, 305], он упорно оставался “трезвым между угорелыми” (автохарактеристика Страхова в письме к Н.Я. Гроту: [Грот 1896, 8]) – в решимости высказываться, ориентируясь на собеседника, и одновременно избегать абстракций высоких порядков, – выработать критически свои ответы на важные для него вопросы в области теории познания, истории и философии науки, философии истории, литературной критики.

Эта позиция критического или, точнее, критико-герменевтического дистанцирования от существующих направлений и школ хорошо сознавалась самим Страховым: “Мне часто бывает очень грустно, когда подумаю, в каком фальшивом положении я стою. Когда я

говоря против Дарвина, то думают, что я стою за катехизис; когда против нигилизма, то считают меня защитником государства и существующего в нем порядка; если говорю против вредного влияния Европы, то думают, что я сторонник цензуры и всякого обскурантизма и т.д. О, Боже мой, как это тяжело! А что же делать? Иногда приходит на мысль, что лучше бы молчать, – и не раз я молчал, чтобы не прибавлять силы тому, чему не следует. Я изворачиваюсь и изгибаюсь, сколько могу. Вы видели, с каким жаром я схватился за спиритизм; я очень горжусь тем, что написал книгу против чудес, и в сущности, не очень сердился, когда Соловьев провозгласил меня за это материалистом. Как быть, как писать, когда кругом непобедимый фанатизм и когда всякое доброе начало отразилось в людских понятиях в дикой и односторонней форме? И разве я один в таком положении? Все серьезные люди терпят ту же беду и часто принуждены молчать. Таково положение России, что между революционерством и ретроградством нет прохода; эти два течения все душат” [Переписка 1914, 404].

Ф.Э. Шперк, пытаясь определить главные черты страховской писательской индивидуальности, нашел возможным назвать эту особенность “периферийным мышлением”, т.е. склонностью к обстоятельному, детальному анализу явлений без общей их характеристики, без “главных, центральных идей, последовательно выводящихся и определенно сформулированных” [Шперк 2010, 124–125]. Более понятным Страхов становится не тогда, когда его профессионально относят к какой-то школе или выделяют в нем знакомую общую или архетипическую черту: идеализм, рационализм, мистицизм, антропологизм, позитивизм и т.д., а когда смотрят наоборот, из центра его личности, его “совершенно своеобразной индивидуальности”: «надо обладать известным чутьем индивидуальности, чтобы не ошибиться в нем, а то как раз не заметишь “слона” в его произведении» [Шперк 2010, 124].

Это особенное страховское чутье старался выразить Б.В. Никольский в биографическом очерке о Н.Н. Страхове; оно же привлекло к себе внимание П.А. Флоренского. Флоренскому (род. 1882) не довелось лично познакомиться со Страховым, но он со студенческих лет знал работы философа и долгие годы был близок к В.В. Розанову, который, в свою очередь, прямо называл Страхова своим учителем, а себя его единственным учеником. 9 мая 1913 г. Флоренский писал Розанову: “Кажется, и сами Вы не подозреваете, до какой степени “недаром” Вы со Страховым сдружились. <...> Общее Ваше – это общий угол зрения, под которым Вы мыслите все существующее, общая категория мысли. Категория эта – *жизнь* (*βίος*). “*Организм*” – вот что сплотило Розанова и Страхова, “*целесообразность*” – вот что их устремило к одной мечте. Это – положительная основа. А отрицательная – полное непостижение духовной жизни (*Ζωή*), дальтонизм к Вечности (не обижайтесь, я по-дружески). <...> Вы оба не переносите интеллигентских категорий “*механизма*”, безжизненности, случайности, с одной стороны, и духовности, сверхмирности, жертвенности – с другой. Отсюда-то и происходит Ваш потрясающий пафос любви к Родине, Ваше славянофильство, Ваш вкус к земному. <...> Относительно Страхова у меня всегда остается впечатление, что это – человек невысказавшийся. М<ожет> б<ыть>, это произошло от *забитости* обществом. Но такая, напр., существенная черта, как склонность к подлинным изданиям и древним книгам, которая глубоко определяет неинтеллигентский склад души (интеллигенту важны “лишь мысли”, а не цвет бумаги и не запах старой кожи), – эта черта – ничуть не запечатлена в его произведениях, насколько я помню их, и судя по ним нельзя было бы и заподозрить его. Вот почему разговоры о *рационализме* Страхова, формально справедливые, мне представляются по существу ложными, ибо “рационализм” Страхова в *еще* большей степени сказался у Розанова в “О понимании”, но как первая, периферическая попытка вскрытия идеи целесообразности. Непременно, думается мне, если бы Н.Н. Страхов смог развернуть ее, он перешел бы к иной, более глубокой целесообразности” [Переписка 2010, 121].

Основные труды Н.Н. Страхова написаны ответно, в продолжение не им начатых “крупных разговоров” 60–90 гг. XIX в. В этих разговорах Н.Н. Страхов – полноправный, желанный, а порою и незаменимый участник. Без Страхова трудно представить смысловой облик журнала братьев Достоевских “*Время*”: свойственные этому журналу экзистен-

циальная открытость, органические настроения, критицизм и ироничность в течение всей его недолгой, но яркой истории поддерживались и развивались в философской публицистике журнала Страховым (вплоть до закрытия издания, поводом для которого послужила публикация статьи Страхова “Роковой вопрос”). Н.Н. Страхов – наиболее последовательный участник дискуссии об основаниях естественнонаучного знания: напечатанные им статьи-размышления в итоге были собраны в книге “Мир как целое”, предвосхитившей эпистемологический холизм XX в. Две известные русские доктрины в области философии истории – скептическая, только по недоразумению порицаемая за фатализм беллетристическая историософия Л.Н. Толстого и теория исторических типов Н.Я. Данилевского – именно Страховым впервые были истолкованы и уточнены в критической перспективе. Н.Н. Страхов – наиболее обстоятельный историк и критик русского литературного нигилизма, квазинаучного спиритизма А.М. Бутлерова, дарвинизма на русской почве и др. Владелец богатой философской библиотеки, переводчик и завзятый книголюб, Страхов выступил, помимо прочего, неким русским Борхесом, оставив после себя разносторонний диалогический архив эпох, которые он прожил и пережил.

Один их самых крупных и важных отделов этого совокупного архива – пространная переписка Страхова¹. Наиболее отчетливо Страхов излагает основные пункты своего философского символа веры в переписке с близкими друзьями и собеседниками – Л.Н. Толстым, И.С. Аксаковым, А.А. Фетом, Н.Я. Данилевским, П.Д. Голохвастовым и В.В. Розановым. Переписка с Толстым продолжалась в течение четверти века (1870–1895), затрагивала “все поводы бытия” и была весьма откровенна. С И.С. Аксаковым, дидактичным собеседником, Страхов переписывался в 1863–1885 гг. (особенно активно в 1881–1885 гг.); они обсуждали, в частности, событие царевубийства, вопросы веры, религиозный поворот и художественное творчество Толстого. В переписке Страхова с Фетом (1877–1892), практичным помещиком и ярким представителем чистой лирики, сравнившим однажды Страхова с куском душистого мыла, в полемическом духе обсуждались творческие коллизии, возникавшие в российском обществе, поэтические замыслы Фета (который посылал Страхову большинство своих стихотворений), различные творческие проекты Фета – вроде перевода Шопенгауэра (в котором Страхов активно участвовал и как редактор) или “Критики чистого разума” Канта (от которого Страхов Фета едва отговорил). Н.Я. Данилевский – ближайший друг Страхова; в их переписке (1873–1885) много личного, но основное ее содержание образуют разговоры о дарвинизме и историософии. С В.В. Розановым Страхов переписывался в 1888–1893 гг., до поездки Розанова в Петербург, и изредка впоследствии, в перерывах между петербургскими встречами; самая философски содержательная часть писем здесь посвящена проблемам исторического понимания. Что же касается переписки Страхова с П.Д. Голохвастовым, то большая ее часть пока остается в архивах. Немногие опубликованные письма Страхова к Голохвастову по откровенности сравнимы с его письмами к Л.Н. Толстому.

* * *

Павел Дмитриевич Голохвастов (15(27).02.1838–4(16).07.1892) – архивист и знаток русского Смутного времени, истории Земских соборов, а также русской былинной истории и “стиха русского народного и нашего литературного” [Голохвастов 1883]. Довольно много писал и мало публиковался; оставил обширные рукописи, впоследствии частично опубликованные (см. подробнее [Битюгова 1992^а]); биографические сведения: [Энциклопедический словарь 1893]). Российскому образованному обществу он стал известен после 1869 г., когда опубликовал драму “Алеша Попович, представление в 5 действиях, сочиненное по старым русским былинам”. Дважды Голохвастов вступал на чиновничье поприще. В 1857–1859 гг. он служил в Министерстве иностранных дел (Главном архиве и Азиатском департаменте), а в 1882 был назначен чиновником по особым поручениям при министре внутренних дел Н.П. Игнатьеве, выступил разработчиком законодательных основ нового Земского собора и даже составил (в сотрудничестве с И.С. Аксаковым, см. [Переписка 1913]) проект императорского манифеста о созыве Собора. Манифест вызвал, по

видимому, разочарование Александра III. Голохвастов и сам министр вынуждены были подать в отставку.

Н.Н. Страхов познакомился с П.Д. Голохвастовым в Петербурге в самом конце 1874 г. и сразу сблизился с ним: выслушал его теоретические соображения о русском стихе – “теорию неподобную”, в которую Страхов “накрепко уверовал”; услышал его чтение былин и заметил в нем незаурядное “чувство языка, стиха”, как и “его патриотизм, его дерзкие мысли об Европе”. Тогда же Голохвастов, будучи большим поклонником Толстого, объявил Страхову, что Толстой еще не сказал своего “главного слова” и что он ждет еще от Толстого “величайшего произведения” [Переписка 1914, 56]. Сообщая об этой встрече Толстому², Страхов отметил, что нашел в Голохвастове “нечто вроде Левина” [Переписка 1914, 55]. Первые письма об устройстве домашней жизни Голохвастова написаны Страховым Толстому и Фету в 1878 г., когда он впервые побывал в доме Голохвастовых в подмосковном Воскресенске и узнал о голохвастовской склонности мыслить и действовать поэтически вольно, решительно в нравственном отношении. Уже и повседневная жизнь была весьма своеобразна: превращен в былинную “игрушку” дом, в котором жила семья Голохвастова, недалеко от монастыря Новый Иерусалим, “тоже игрушки в своем роде” [Переписка 1914, 181–182]. При этом обитатели дома были не слишком притязательны в отношении текущих бытовых забот и сосредоточивались на умственных и духовно-практических занятиях³. Голохвастов был неизменно открытвен, “странен” и “мил” [Переписка 1914, 225], пусть и строил иногда планы “очень честолюбивые” [Переписка 1914, 231]. В конце 1870-х гг. началась переписка Страхова с Голохвастовым, продолжавшаяся, видимо, до смерти Павла Дмитриевича. В публикуемых письмах, относящихся ко второй половине 1880-х гг., можно выявить несколько смысловых пластов. Но основной из них связан с духовными исканиями Л.Н. Толстого, религиозные перемены в котором и Страхов, и Голохвастов в то время интенсивно “переживали”.

П.Д. Голохвастов резко возразил против новой личной веры писателя, который, “дочиста выписавшись”, “...хочет... рушить Церковь – нерушимую... Народа он, надеюсь, не развратит, но общество – развратит окончательно...” (в письме к Страхову от 12 дек. 1886 г., см. [Литературное наследство 1973, 480]). В публикуемых письмах содержатся ответы Н.Н. Страхова – единственного в своем роде собеседника Толстого⁴ – на размышления П.Д. Голохвастова. В письме 12 марта 1885 г. Страхов, разъясняя в связи с мнениями Голохвастова о переменах, происходивших с Толстым, уточняет несколько ключевых пунктов своего кредо, которые не излагаются в других его письмах и трудах или излагаются косвенно и могут быть по-разному истолкованы. Заявляя о несогласии с автономным складом толстовских интерпретаций исторических религий (христианства, прежде всего), и грубостью, с какой Толстой говорит об исторических промахах или ошибках христианского религиозного мышления, уступающего политической злобе дня, Страхов, между тем, зачисляет и себя в “еретики”. Это письмо прежде публиковалось не полностью (большой фрагмент издан без специальных комментариев в примечании к письму Н.Н. Страхова к И.С. Аксакову от 25 мая 1885 г.) [Переписка 2007, 137–139]. Здесь письмо впервые приводится полностью, вместе с тремя другими прежде не издававшимися письмами Страхова к Голохвастову (от 25 января – 4 февраля 1887 г., 19 июня и 26 августа 1888 г.), которые находятся в тесном единстве с письмом от 12 марта. Высказываемое отношение к новейшему исповеданию веры Л.Н. Толстого сочетается здесь с суждениями Страхова о его понимании “красного” нигилизма и затем о понимании себя как оппонента философского спиритуализма А.М. Бутлерова, как, впрочем, и противника “игры ума” в публицистике В.С. Соловьева, навязавшего Страхову полемику о теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского.

Письма хранятся в общей коллекции писем Н.Н. Страхова к П.Д. Голохвастову, которой располагает Рукописный отдел Пушкинского дома (всего в коллекции 22 письма, датированных 1874–1888 гг.), и публикуются по оригиналу: Рукописный отдел Пушкинского Дома – Института русской литературы РАН. ПД 11060/ХVIIс.17. Лл. 36–45.

* * *